

ЧЕРВИНСКИЙ, Петр, 2011. *Негативно-оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц*. Томск: Кит. – 341 с.

*Элеонора Лассан
(Lietuva / Litwa).*

Прошлое стремительно уходит в прошлое, и вместе с ним из памяти поколений, большую часть жизни считающих себя советскими гражданами, уходит «70-летний социолингвистический эксперимент» (В. В. Мокиенко, Т. Г. Никитина), именующийся сегодня «языком советской эпохи», а в книге известного ученого Петра Червинского, живущего ныне в Польше, – «советским языком». Я совершенно согласна с автором: главное, на чем базировался социальный эксперимент, в известной степени удавшийся, было «формирование нового человека», который сам на себя смотрел не как на самостоятельную ценность, не как на «образ и подобие», а как на средство достижения определенных целей (вспоминается Кант: человек не может быть средством, только целью самой по себе). По Петру Червинскому, новый человек создавался прежде всего средствами языка и внутри языка. Автор говорит о двух языках советского времени – языке официальной пропаганды и другом, не бывшем пропагандистским и официальным, но тем не менее неуловимо связанном с первым, находящемся под его воздействием. «Менялся характер изначально нейтральных или иначе окрашенных и общеупотребительных слов» (с. 8), поскольку русский язык, ставший основой советского,

пропитывается социальными знаниями, транслируемыми существующей идеологией, заряжается ее коннотациями. Так возникает «русский советский язык», отличающийся от досоветского, постсоветского и, согласно автору, языка, существующего вне советского. Правда автор не указывает, где было это «вне» – в языке эмигрантской литературы, диссидентов 60–х годов, «простого народа»? Приведу отрывок из совсем недавно появившегося произведения Нины Литвинцев «Жиличка» (о Марине Цветаевой), где главный персонаж – «простая» женщина 70 лет – рассказывает о своей бывшей соседке, которой, как оказалось, была Марина Цветаева: «Соседи все ж таки. Только они иногда **не по-нашему** говорили... Никола сказал, по-французски, у них однажды французы на завод приезжали, он слышал. А после я от Зойки в **домкоме** узнала, что муж ее с дочкой в тюрьме, **шпионами иностранными оказались**. Тут уж поневоле **бдительность проявлять приходилось**, даже если что непонятно в разговоре». Вся эта фраза пропитана интонациями «советского» языка – языка тех, кто, видимо, когда-то, «был никем» и принял существующий порядок как разумный. «Советский человек» этой поры знает, что нужно проявлять бдительность, поскольку

каждый может оказаться иностранным шпионом, и местом, где все известно о жильцах, является домком. «Домком» – слово, отмеченное в «Толковом словаре языка Совдепии», составленном В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. Это словарь (1998) «советизмов», который дает широчайшую панораму специфических реалий советской эпохи, включая как историзмы (*агитпоезд, зерносовхоз*), так и обычные слова, ставшие в языке советской эпохи оценочно «заряженными» (*будущее, детвора*). Червинский идет другим путем, чтобы воссоздать картину сравнительно недавнего прошлого. Предлагаемый словарь строится на представлении концепции советского человека, и, что мне кажется не только оправданным ходом, но и весьма эффективным, показывает, «что порицается, отвергается, отрицается, исключается, с советской точки зрения и советской позиции в человеке» (с. 10). Думаю, что автор поставил перед собой очень трудную задачу – представить читателю обозначения лиц, которые, казалось бы, далеки от идеологической лексики и которые, тем не менее, оказываются заряженными ее коннотациями. Так, в списке словарных статей я с удивлением обнаружила наличие таких слов, как *пьяница* или *сволочь*. Какие идеологические обертоны могут приобретать значения этих слов? Сама же словарная статья слова *сволочь*, снабженного пометой *разг.-спец. (разговорно-специальное)*, что значит: слово предпочтительно употребляется в какой-то сфере – производственной, партийно-бюрократической и т. п.) убедила меня в правомерности включения этого слова в предлагаемый список. Вот как мотивирует автор присутствие данного

слова в этом списке: *сволочь* «в языке сотрудников органов госбезопасности, чекистов, охранников, надзирателей... – в первую очередь всякий не подчиняющийся, сопротивляющийся охранительным органам» (с. 264–265). Жаль, что автор не сразу приводит должные примеры такого употребления, но память сама подсказывает: *контрреволюционная сволочь, антисоветская сволочь, фашистская сволочь*. В конце словарной статьи, включающей ссылки на другие словари, память находит подтверждение уже в многочисленных и убедительных примерах: *троцкистская сволочь, меньшевистская сволочь, интеллигентская сволочь*.

Словарная статья о *пьянице* не показалась мне столь убедительной. Примеры «пьяница и дебошир», «пьяницам и прогульщикам не место в советском коллективе», скорее, на мой взгляд, демонстрируют общее зло, а не идеологически окрашенное. Но после некоторого раздумья я согласилась с автором: советская идеология объявляла пьянство злом, несовместимым с советской жизнью, препятствующим эффективному социалистическому труду. Здесь я готова присоединиться к воззрениям советской идеологии.

А вот примеры к слову *реформатор* в соответствующей статье, к сожалению, не показали мне демонстрирующими негативную окраску значения этого слова: *демократы-реформаторы, блок реформаторов* и т. д. Разве только включение в статью слово *реформаторша*, явно иронического звучания, дает повод думать, что автор, возможно, прав. Поскольку мы заговорили о словарной статье, необходимо сказать, как она построена. Статья включает заглав-

ное слово и ряд помет (отдельные пометы являются нововведением автора: *разг.-спец., разг.-средовое*), демонстрирующих употребление слова в разных коммуникативных ситуациях, перечень значений слова, выделяемых автором, в ряде случаев – краткую информацию об образовании слов, производные слова, слова-синонимы, дефиниции из других словарей. Думаю, что читатель понимает, какой гигантский труд проделан Петром Червинским и какое удивительное чувство языка и «идеологический слух» следует иметь, чтобы создать подобный труд, включающий около 400 словарных статей. Чтение этого словаря подобно чтению исторического романа – перед читателем встают *поджигатели, расхитители, отравители, соглашатели, мягкотелые интеллигенты, созерцатели* и

т. д. как отрицательные персонажи советской истории. А мощное теоретическое описание процессов, происходящих с языком в тоталитарном обществе, еще раз напоминает нам, какое это сильнейшее средство воздействия на сознание – язык.

Нужно ли ворошить прошлое, в чем ценность этого труда об ушедшем социолингвистическом эксперименте? Думаю, необходимо. Во-первых, мы все время живем в ситуации, когда язык наносит удар по крепости нашего рассудка, заряжая слова духом времени, не всегда морально безупречным – работа Петра Червинского помогает это еще ярче осознать. Во-вторых, прошлое имеет способность проникать в будущее, и опознаем мы его по «его плодам» – созданному им языку.